

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.52070/2500-3488_2022_3_844_129

Связь представлений о семейном окружении у девочек подросткового и юношеского возраста с их личностными особенностями

Е. А. Троицкая

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
ea.troitskaya@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление взаимосвязи между личностными особенностями девочек подросткового и юношеского возраста и их представлениями о семейном окружении. В исследовании приняли участие девочки 14–15 лет и девушки 16–18 лет. Результатом исследования явилось подтверждение согласованности личностных особенностей девочек и их представлений о семейном окружении в целом, об их материах и отцах.

Ключевые слова: представления, семейное окружение, подростки о родителях, девочки, подростковый возраст, юношеский возраст

Для цитирования: Троицкая Е. А. Связь представлений о семейном окружении у девочек подросткового и юношеского возраста с их личностными особенностями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 3(844). С. 129–136. DOI 10.52070/2500-3488_2022_3_844_129

Original article

Relationship between Family Environment Images in Adolescent and Youth Girls and Their Personality Traits

Elena A. Troitskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ea.troitskaya@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the research aimed at identifying the relationship between the personality traits of adolescent and youth girls and their images of the family environment. Girls aged 14–15 and girls aged 16–18 participated in the research. The results showed consistency between the girls' personality traits and their images of the family environment as a whole, the images of their mothers and fathers.

Keywords: images, family environment, adolescents about parents, girls, adolescence, youth

For citation: Troitskaya, E.A. (2022). Relationship between family environment images in adolescent and youth girls and their personality traits. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 3(844), 129–136. 10.52070/2500-3488_2022_3_844_129

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования связи представлений о семейном окружении у детей с их личностными особенностями определяется тем, что в современном мире меняются детско-родительские взаимоотношения. Быстрые темпы развития информационных технологий неизбежно приводят к тому, что дети в более раннем возрасте начинают понимать, что их родители могут в чем-то разбираться хуже своих детей. Следовательно, непререкаемый авторитет родителей начинает снижаться, и зачастую родители перестают восприниматься детьми как образец для подражания. Особенно остро данная проблема встает в подростковом и юношеском возрасте, когда дети находятся в процессе самоопределения.

В психологии тема влияния психологического климата семьи на развитие личности ребенка достаточно исследована. В ряде работ показано, что неблагоприятное семейное окружение может негативно сказываться как на личностном развитии ребенка, так и на его склонности к соматическим заболеваниям, имеющим психологическую основу, в то время как благоприятное семейное окружение вносит вклад в формирование благополучия ребенка [Бахадова, 2009; East et al., 2019; Jin, Ahn, 2019].

В результате масштабного эмпирического исследования А.А. Реан установил, что матери оказывают большее влияние на молодежь в процессе ее взросления, чем отцы [Реан, 2017]. Но для оказания эффективной психологической помощи ребенку необходимо не только понимание роли семейного окружения в формировании личности ребенка, но и включение всей семейной системы в процесс разрешения психологических трудностей [Карпова, 2015].

Также исследуются различия психологического климата в благополучных и неблагополучных семьях. Например, Е. В. Сухова, проведя сравнительное исследование проблемных и нормативных семей, пришла к выводу, что в проблемных семьях по сравнению с нормативными семьями выше ориентация на достижения, независимость, конфликтность, контроль [Сухова, 2015].

Детско-родительские отношения представляют собой сложную систему, в которой равновесие зависит от соотношения воспитательных тактик и личностных особенностей родителей, с одной стороны, и личностных особенностей детей – с другой стороны. Как показывают исследования, личностные особенности родителей и детей вносят вклад в их взаимоотношения [Denissen et al., 2009].

Однако следует учесть, что родители выбирают воспитательные воздействия исходя из своих представлений о целях воспитания и о личностных

особенностях детей, а дети взаимодействуют с родителями, основываясь на своем понимании личностей родителей и моделей их поведения. Особенно это касается детей подросткового и юношеского возраста, которые уже способны осознанно и целенаправленно выстраивать свою линию поведения, ориентируясь на разнообразные факторы, которые могут повлиять на результативность их действий.

В этой связи значимыми становятся исследования взаимосвязи личностных особенностей детей не только с объективно наблюдаемыми воспитательными тактиками родителей, но и с представлениями детей о своих родителях и о психологическом климате в семье в целом. Так, в ряде исследований было показано, что особенности образа родителей связаны с развитием личности ребенка [Латышева, 2018]. А. Н. Симанович и Т. Ю. Тодышева выявили различия в представлениях о родителях у подростков, склонных и не склонных к бродяжничеству [Симанович, Тодышева, 2021].

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между личностными особенностями девочек подросткового и юношеского возраста и их представлениями о семейном окружении.

ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка исследования включала 24 девочки подросткового возраста 14–15 лет ($M = 14,58$, $SD = 0,5$) и 50 девушек юношеского возраста 16–18 лет ($M = 16,84$, $SD = 0,77$). Большинство испытуемых на момент участия в исследовании обучались в Предуниверситарии ФГБОУ ВО МГЛУ, остальные – в других школах г. Москвы. Всего в исследовании приняли участие 74 учащихся в возрасте от 14 до 18 лет ($M = 16,11$, $SD = 1,27$).

Диагностика личностных особенностей проводилась с помощью методики «Личностный дифференциал» (ЛД), адаптированной в институте им. В. М. Бехтерева. Данная методика включает в себя три шкалы: оценка, сила, активность [Методика личностного дифференциала ... 2002]. Для операционализации представлений о семейном окружении применялось сочетание двух методик. «Шкала семейного окружения» (ШСО) в адаптации С. Ю. Куприянова направлена на исследование отношений между членами семьи, показателей личностного роста и показателей управления семейной системой [Куприянов, 1985]. Методика «Подростки о родителях» в адаптации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной позволяет диагностировать отдельно представления о матери и об отце по шкалам: позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность,

непоследовательность [Вассерман, Горьковая, Ромицына, 2001]. Также данная методика предполагает вычисление разности (дельты) между оценками матери и оценками отца по каждой из шкал, что позволяет судить о согласованности поведения родителей в представлениях ребенка.

Эмпирические данные были собраны учащимися 11-го класса Предуниверситетия МГЛУ Седовой Серафимой, Биккиным Дмитрием и Щелкалиной Екатериной в рамках работы над учебно-исследовательским проектом по психологии.

В процессе статистического анализа собранных данных применялись тест Шапиро-Уилка, критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции tau-b Кендалла, Т-критерий Уилкоксона, иерархический кластерный анализ (метод Уорда), критерий Краскела-Уоллиса. Анализ был проведен посредством компьютерной программы для статистического анализа данных JASP (Version 0.16.1).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Возрастные различия

На первом этапе исследования было проведено сравнение двух выборок (девочек подросткового возраста и девушек юношеского возраста) между собой с целью выявления возрастных различий. По критерию Манна-Уитни были обнаружены статистически значимые различия по шкале «активность» ($p = 0,002$) методики ЛД: девушки 16–18 лет продемонстрировали более высокий уровень активности, чем девочки-подростки.

Также были обнаружены различия на уровне тенденции по шкале «независимость» ($p = 0,058$) по методике ШСО и по разности между оценкой позитивного интереса матери и оценкой позитивного интереса отца ($p = 0,053$) по методике «Подростки о родителях». По сравнению с девушками девочки-подростки представляют свое семейное окружение как более поощряющее независимость, и при этом девочки-подростки видят меньше различий в уровне позитивного интереса матери и отца.

Корреляция представлений о семейном окружении и личностных особенностей у девочек подросткового возраста

Анализ связи представлений о семейном окружении и личностных особенностей у испытуемых проводился по коэффициенту корреляции tau-b Кендалла. В выборке девочек-подростков обнаружены статистически значимые корреляции

между шкалой «оценка» по методике ЛД и шкалами «конфликт» ($Tb = -0,685, p = 0,039$) и «ориентация на достижения» ($Tb = -0,837, p = 0,016$) по методике ШСО, между шкалой «оценка» по методике ЛД и шкалой «враждебность» при оценке отца ($Tb = -0,616, p = 0,041$) по методике «Подростки о родителях». Девочки-подростки с более высоким уровнем самоуважения воспринимают свое семейное окружение как менее конфликтное и менее ориентированное на достижения, а своих отцов как менее враждебных.

Выявлены статистически значимые корреляции между шкалой «сила» по методике ЛД и шкалами «директивность» ($Tb = -0,612, p = 0,048$) и «непоследовательность» ($Tb = -0,744, p = 0,014$) при оценке отца по методике «Подростки о родителях». Девочки-подростки с более высоким уровнем независимости, склонные проявлять настойчивость при достижении цели воспринимают своих отцов как менее директивных и более последовательных.

Также были обнаружены статистически значимые корреляции между шкалой «активность» по методике ЛД и шкалой «экспрессивность» ($Tb = 0,837, p = 0,016$) по методике ШСО, между шкалой «активность» по методике ЛД и шкалами «позитивный интерес» ($Tb = 0,693, p = 0,021$) и «автономность» ($Tb = 0,72, p = 0,019$) при оценке отца по методике «Подростки о родителях». Девочки-подростки с более высоким уровнем экстравертированности, импульсивности и энергичности воспринимают свое семейное окружение как более благосклонное к выражению своих чувств, а своих отцов как проявляющих больше позитивного интереса, но при этом и больше автономности (т. е. как предоставляющих больше свободы действий и дающих возможность самостоятельно принимать решения).

Корреляция представлений о семейном окружении и личностных особенностей у девушек юношеского возраста

В выборке девушек 16–18 лет по коэффициенту корреляции tau-b Кендалла были выявлены статистически значимые корреляции между шкалой «оценка» по методике ЛД и шкалой «позитивного интереса» при оценке матери ($Tb = 0,3, p = 0,033$) и при оценке отца ($Tb = -0,286, p = 0,042$), шкалой «враждебность» при оценке матери ($Tb = -0,336, p = 0,019$) по методике «Подростки о родителях». Кроме того, значения шкалы «оценка» по методике ЛД значимо коррелировали с дельтой между оценкой враждебности матери и оценкой враждебности отца ($Tb = -0,379, p = 0,008$). Девушки с более

высоким уровнем самоуважения воспринимают своих матерей как проявляющих меньше враждебности и больше позитивного интереса, а своих отцов как проявляющих меньше позитивного интереса. Такое противоречие может быть объяснено тем, что шкала позитивного интереса в методике «Подростки о родителях» предполагает преимущественно эмоциональную поддержку со стороны родителя (например, «Пытается развеселить и воодушевить меня, когда мне грустно»), что может быть нехарактерно для типичной маскулинной роли отца. При этом девушки с более высоким уровнем самоуважения видят меньше различий между враждебностью матери и враждебностью отца.

Выявлены статистически значимые корреляции между шкалой «сила» по методике ЛД и шкалами «автономность» ($T_b = -0,319, p = 0,023$) и «непоследовательность» ($T_b = -0,366, p = 0,01$) при оценке отца по методике «Подростки о родителях». Более независимые и настойчивые девушки воспринимают своих отцов как менее автономных и более последовательных. Вероятно, представления о меньшей автономности отца (несклонности отцов предоставлять больше свободы действий и давать возможность детям самостоятельно принимать решения) возникают на фоне того, что сами девушки хотят проявлять больше независимости и следовать избранной ими линии поведения.

Также была обнаружена статистически значимая корреляция между шкалой «активность» по методике ЛД и шкалой «директивность» ($T_b = -0,296, p = 0,036$) при оценке матери по методике «Подростки о родителях». Более активные и общительные девушки воспринимают своих матерей как менее директивных.

Различия в представлениях о матери и представлениях об отце

Методика «Подростки о родителях» позволяет исследовать различия в представлениях о матери и об отце, что и было сделано нами посредством Т-критерия Уилкоксона. В выборке девочек-подростков статистически значимых различий выявлено не было ($p > 0,05$). В выборке девушек 16–18 лет обнаружены статистически значимые различия по шкалам «враждебность» ($p = 0,024$) и «непоследовательность» ($p = 0,019$): девушки считают своих матерей более враждебными и более непоследовательными по сравнению со своими отцами. Можно предположить, что матери ежедневно более строго следят за воспитанием дочерей, нежели отцы. Вследствие этого по ряду характеристик они оцениваются более негативно,

чем отцы. Однако такой результат требует дополнительных исследований, так как он не согласуется с полученными А. А. Реаном данными о том, что различия в образах матери и отца заключаются в модальности характеристики, а не в соотношении позитивного и негативного аспектов [Реан, 2017].

Корреляция представлений о семейном окружении и представлений о матери и отце

Для формирования более полной картины представлений о семейном окружении нами были проанализированы связи между оценками семейного окружения в целом по методике ШСО и оценками матери и отца в отдельности по методике «Подростки о родителях».

В выборке девочек-подростков по коэффициенту корреляции tau-b Кендалла были выявлены статистически значимые корреляции между шкалой «экспрессивность» по методике ШСО и шкалой «позитивный интерес» при оценке отца ($T_b = 0,775, p = 0,042$), шкалой «директивность» при оценке матери ($T_b = -0,775, p = 0,042$). Обнаружены статистически значимые корреляции между шкалой «конфликт» по методике ШСО и шкалами «позитивный интерес» ($T_b = -0,746, p = 0,044$) и «автономность» ($T_b = -0,926, p = 0,014$) при оценке матери, шкалой «непоследовательность» при оценке отца ($T_b = -0,926, p = 0,014$), а также с дельтой между оценкой директивности матери и оценкой директивности отца ($T_b = 0,745, p = 0,044$). Также была выявлена статистически значимая корреляция между шкалой «организация» по методике ШСО и шкалой «непоследовательность» при оценке матери ($T_b = 0,816, p = 0,049$).

В выборке девушек 16–18 лет по коэффициенту корреляции tau-b Кендалла были выявлены статистически значимые корреляции между шкалой «ориентация на достижения» по методике ШСО и шкалами «директивность» ($T_b = 0,426, p = 0,045$) и «автономность» ($T_b = -0,568, p = 0,007$) при оценке отца, а также с дельтой между оценкой директивности матери и оценкой директивности отца ($T_b = 0,435, p = 0,046$), с дельтой между оценкой автономности матери и оценкой автономности отца ($T_b = 0,435, p = 0,047$). Значения по шкале «ориентация на активный отдых» значимо коррелировали со значениями по шкале «директивность» при оценке отца ($T_b = 0,463, p = 0,032$). Кроме того, была выявлена статистически значимые корреляции между шкалой «контроль» по методике ШСО и шкалами «директивность» ($T_b = 0,425, p = 0,043$) и «автономность» ($T_b = -0,708, p = 0,001$) при оценке матери, шкалой «автономность» ($T_b = -0,587, p = 0,005$) при оценке отца.

Psychological Studies

Кластерный анализ

Для построения целостной картины связи личностных особенностей с представлениями о семейном окружении в качестве эксплораторного метода применялся иерархический кластерный анализ (метод Уорда) по трем шкалам методики ЛД для всей выборки в целом, независимо от возраста. На этапе предварительного анализа данных были исключены семь испытуемых с экстремумами по измеренным показателям. В результате кластерного анализа было выбрано решение из 5 кластеров, которое имело наименьшее значение критерия ВIC.

Сравнение полученных кластеров по критерию Краскела-Уоллиса выявило статистические значимые различия по всем шкалам методики ЛД ($p < 0,001$). Средние значения показателей по методике ЛД для 5 кластеров представлены в таблице 1.

Качественный анализ кластеров позволяет составить описание личностных особенностей испытуемых. К первому кластеру были отнесены 18 человек с самыми высокими значениями по шкале «оценка», средними значениями по шкале «сила» и значениями по шкале «активность» ниже среднего. Можно сказать, что это девочки-подростки и девушки с высоким уровнем самоуважения, но при этом не проявляющие активности и независимости в своих действиях (склонные скорее пассивно подчиняться, а не утверждать свою позицию и придерживаться своей собственной линии поведения).

Второй кластер представлен 19 участницами исследования, которые отличаются высокими значениями по шкале «сила», умеренно высокими

значениями по шкале «активность» и значениями по шкале «оценка» выше среднего. Девочки-подростки и девушки из этого кластера независимы, склонны рассчитывать на собственные силы, экстравертированы и активны и при этом обладают самоуважением выше среднего.

К третьему кластеру относятся 10 человек с самыми низкими значениями по шкале «активность», низкими значениями по шкале «оценка» и значениями по шкале «сила» выше среднего. Девочки-подростки и девушки интровертированные, пассивные и не очень эмоциональные, обладают низким уровнем самоуважения, но при этом они достаточно независимы в своих поступках и способны придерживаться выбранной линии поведения.

Четвертый кластер включает 17 человек с самыми низкими значениями по шкале «оценка», низкими значениями по шкале «сила» и средними значениями по шкале «активность». Девочки-подростки и девушки, относящиеся к этому кластеру, характеризуются низким самоуважением, уступчивостью, нерешительностью при среднем уровне общительности, энергичности и эмоциональной устойчивости.

В пятый кластер вошли всего три человека, отличающиеся от остальных участниц исследования самими низкими значениями по шкале «сила», самыми высокими значениями по шкале «активность» и средними значениями по шкале «оценка». Можно предположить, что эти девочки-подростки и девушки очень импульсивны в своих поступках, но при этом крайне несамостоятельны и зависимы от окружающих.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ПО МЕТОДИКЕ «ЛИЧНОСТНЫЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ» В ВЫЯВЛЕННЫХ КЛАСТЕРАХ

Кластер	Статистика	Оценка	Сила	Активность
№ 1 (18 чел.)	Среднее	12,556	5	0,167
	Стандартное отклонение	2,121	5,38	2,618
№ 2 (19 чел.)	Среднее	10	8,368	9,947
	Стандартное отклонение	3,127	4,044	3,118
№ 3 (10 чел.)	Среднее	3,5	7,2	-2,7
	Стандартное отклонение	3,749	3,615	3,093
№ 4 (17 чел.)	Среднее	2,765	-0,941	3,471
	Стандартное отклонение	3,615	3,152	4,185
№ 5 (3 чел.)	Среднее	7	-7,667	15,667
	Стандартное отклонение	1,732	3,786	0,577

Таблица 2

СРАВНЕНИЕ КЛАСТЕРОВ ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ОЦЕНКИ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ И РОДИТЕЛЕЙ

Сравниваемые кластеры	Показатель (шкала методики)	Уровень значимости
№ 1 и № 3	Конфликт	0,014
№ 1 и № 3	Ориентация на достижения	0,019
№ 1 и № 3	Дельта «директивность»	0,019
№ 2 и № 3	Директивность матери	0,011
№ 2 и № 3	Дельта «директивность»	0,027
№ 3 и № 4	Непоследовательность отца	0,048
№ 3 и № 4	Дельта «директивность»	0,005

Попарное сравнение четырех кластеров между собой (первичных кластеров за исключением пятого кластера, который оказался крайне малочисленным) по критерию Манна-Уитни позволило выявить различия в представлениях о семейном окружении у представителей этих кластеров. Следует отметить, что статистически значимых различий по возрасту между кластерами не выявлено ($p > 0,05$). Выявленные статистически значимые различия представлены в таблице 2.

В результате попарного сравнения кластеров по критерию Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между третьим кластером и остальными кластерами: представители третьего кластера имеют более высокие значения по шкалам «конфликт» и «ориентация на достижения» по методике ШСО по сравнению с представителями первого кластера, более высокие значения по шкале «директивность» при оценке матери по сравнению с представителями второго кластера и более низкие значения по шкале «непоследовательность» при оценке отца по сравнению с представителями четвертого кластера. Более того, представители третьего кластера имеют более высокое значение дельты между оценкой директивности матери и оценкой директивности отца по сравнению с представителями первого, второго и четвертого кластеров.

Таким образом, девочки-подростки и девушки, характеризующиеся интровертированностью, пассивностью, низкой эмоциональностью, низким уровнем самоуважения, но при этом достаточно независимые в своих поступках и способные придерживаться выбранной линии поведения, в большей степени склонны воспринимать свое семейное окружение как конфликтное и ориентированное на достижение по сравнению

с девочками-подростками и девушками, отличающимися высоким уровнем самоуважения, но не проявляющими активности и независимости в своих действиях. Они считают своих матерей более директивными по сравнению с более независимыми, склонными рассчитывать на собственные силы, экстравертированными, активными и обладающими самоуважением выше среднего участницами исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что представления о семейном окружении у девочек подросткового и юношеского возраста связаны с их личностными особенностями. В целом можно констатировать согласованность личностных особенностей девочек и их представлений о семейном окружении. Например, было показано, что девочки-подростки с более высоким уровнем экстравертированности, импульсивности и энергичности воспринимают свое семейное окружение как более благосклонное к выражению чувств. С другой стороны, личностные особенности девочек выступают для них точкой отсчета, которая может приводить к негативным оценкам семейного окружения, если оно не соответствует стремлениям девочек: более независимые и настойчивые девушки воспринимают своих отцов как в большей степени несклонных предоставлять детям свободу действий и давать возможность самостоятельно принимать решения.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их применения в процессе психологического консультирования девочек-подростков и девушек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахадова Е. В. Неблагополучная семья как фактор формирования девиантного поведения детей // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 37–50.
2. East P. et al. Home and Family Environment Related to Development of Obesity: A 21-Year Longitudinal Study / P. East, E. Delker, E. Blanco, R. Burrows, B. Lozoff, S. Gahagan // Childhood Obesity. 2019. № 15(3). P. 156–166. DOI: 10.1089/chi.2018.0222.
3. Jin B. K., Ahn H. Y. Factors Influencing the Happiness of Late School-aged Children: A Focus on Family Strength and Self-control // Child Health Nursing Research. 2019. № 25(3). P. 245–254. DOI: 10.4094/chnr.2019.25.3.245.
4. Реан А. А. Отец и мать в сознании детей и подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 204–209.
5. Карпова Н. Л. Семейная групповая логопсихотерапия как модель системы социореабилитации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. № 4. Т. 4. С. 338–342.
6. Сухова Е. В. Особенности семейного взаимодействия в проблемных семьях и направления психо-социальной коррекции // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 153–166. DOI: 10.17223/17267080/56/12.
7. Denissen J. J. A., Aken van M. A. G., Dubas J. S. It takes two to tango: How parents' and adolescents' personalities link to the quality of their mutual relationship // Developmental psychology. 2009. № 45(4). P. 928–941.
8. Латышева М.А. Особенности образа родителей девушек, воспитанных в неполной семье (психосемантическое исследование) // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61–2. С. 307–310.
9. Симанович А. Н., Тодышева Т. Ю. Представления подростков, склонных к бродяжничеству, о родителях // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2021. № 2(56). С. 145–155. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-56-2-280.
10. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В. М. Бехтерева) // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 20–21.
11. Куприянов С. Ю. Роль семейных факторов в формировании вариантов нервно-психического механизма патогенеза бронхиальной астмы и их коррекция методами семейной психотерапии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1985.
12. Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е. Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб.: ФАРМиндекс, 2001.

REFERENCES

1. Bakhadova, E. V. (2009). A deviant family as a factor in the development of deviant behavior in children. *Voprosy Psychologii*, 1, 37–50. (In Russ.)
2. East P. et al. (2019). Home and Family Environment Related to Development of Obesity: A 21-Year Longitudinal Study / P. East, E. Delker, E. Blanco, R. Burrows, B. Lozoff, S. Gahagan. *Childhood Obesity*, 15(3), 156–166. DOI: 10.1089/chi.2018.0222
3. Jin, B. K., Ahn, H. Y. (2019). Factors Influencing the Happiness of Late School-aged Children: A Focus on Family Strength and Self-control. *Child Health Nursing Research*, 25(3), 245–254. DOI: 10.4094/chnr.2019.25.3.245.
4. Rean, A. A. (2017). Father and mother in the minds of children and adolescent. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 204–209. (In Russ.)
5. Karpova, N. L. (2015). Family group logopedic psychotherapy as a model of socio-rehabilitational system. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4(4), 338–342. (In Russ.)
6. Sukhova, E. V. (2015). Features of family interaction in problem families and direction of the psychosocial adjustment. *Siberian Journal of Psychology*, 56, 153–166. DOI: 10.17223/17267080/56/12. (In Russ.)
7. Denissen, J. J. A., Aken van, M. A. G., Dubas, J. S. (2009). It takes two to tango: How parents' and adolescents' personalities link to the quality of their mutual relationship. *Developmental psychology*, 45(4), 928–941.
8. Latysheva, M. A. (2018). Peculiarities of the parents' image in girls brought up in single-parent families (a psychosemantic research). *Problems of modern pedagogical education*, 61–2, 307–310. (In Russ.)

9. Simanovich, A. N., Todysheva, T. Yu. (2021). Ideas of adolescents prone to vagrancy about parents. Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 2(56), 145–155. 10.25146/1995-0861-2021-56-2-280. (In Russ.)
10. Metodika lichnostnogo differentsiala (variant, adaptirovannyi v NII im. V. M. Bekhtereva) = Personal Differential method (version adapted in the Research Institute named after V. M. Bekhterev) (2002) / N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G. M. Manuilov. Socio-psychological diagnostics of personal development and small groups (pp. 20–21). Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii. (In Russ.)
11. Kupriyanov, S. Yu. (1985). Rol' semeinykh faktorov v formirovaniyu variantov nervno-psikhicheskogo mekhanizma patogeneza bronkhial'noi astmy i ikh korreksiya metodami semeinoi psikhoterapii = The role of family factors in the development of variants of the nervous mental mechanism of the pathogenesis of bronchial asthma and their correction by methods of family psychotherapy: abstract of PhD in Medicine. Leningrad. (In Russ.)
12. Vasserman, L. I., Gor'kovaya, I. A., Romitsyna, E. E. (2001). Psichologicheskaya metodika «Podrostki o roditelyakh» i ee prakticheskoe primenenie = Psychological questionnaire “Adolescents about parents” and its practical usage. St. Petersburg: FARMindeks. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троицкая Елена Авенировна

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Troitskaya Elena Avenirovna

PhD (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 30.03.2022
одобрена после рецензирования 14.04.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 30.03.2022
approved after reviewing 14.04.2022
accepted for publication 10.06.2022